

Николай Кузнецов

Стихи

Николай Кузнецов. Родился в 1996 году в поселке Борок (Ярославская область). В раннем детстве полностью потерял зрение и слух, но последний удалось восстановить благодаря кохлеарной имплантации. Живет в Санкт-Петербурге, учится в Санкт-Петербургском Государственном университете на юриста. Литературное творчество — давнее увлечение. Пишет стихотворения и прозаические произведения малой формы. Участвовал и становился призером в ряде литературных конкурсов с последующей публикацией в их сборниках. Также публиковался в аудиожурнале «Мир творчества».

Вечереющий пейзаж

День августа дыханьем мутным
Шуршащий вяжет оком:
И пепельно все тонет в нем
И взором никнет поминутно.

Но время сбросило жару,
Оставив влажный полусон,
Чтоб постепенно небосклон
Мог обнажить свою игру.

Как старая одежда, зной
Схоронен временем в намеках:
Почувствуй мир небес далеких,
Земли таинственный покой.

Нагого неба очертанья
Чуть узнаешь под пледом влаги.

Как девственен рисунок шага
Живой Вселенной бытованья!

И сухорукость трав духмяных,
И нежный стрекот влажной тиши,
Земную раскрывая нишу,
Стремятся к звездному туману.

Стремится к небу грудь реки,
Лет золотится комариный,
И пыль тепло хранит в низинах,
Где звезд предвестья глубоки.

Не ночь, а лишь ее намек,
Но воздух — сеть тугая — тих.
Вот-вот в мечтаниях своих
Земли раскроется цветок.

Себя достав из глубины,
Прильнет он к небу сердцевиной:
Они сольются в миг единый,
В свой синий мир погружены.

Пока же оком тугой
Ночную флейту не лелеет,
Вселенную спеши скорее
Запечатлеть полунагой.

Тень музыки

Живая музыка... И факела огонь
Ее не возмутил бы шелестеньем.
Едва запев, уходит уж в забвенье
Ее мечта: и тает дивный сон.

И таял сон, печальным хрусталем
Стекая с рук в неведомые дали;
И пальцев воск — мы верили и знали —
Песчинки нот ловил во сне своем.

Замолкло трио — разорвался зал
Таким понятным, но далеким валом:
Душа еще чудесного искала,
Ее тот рокот мало волновал.

Спускалась лестница коврами к ноябрю.
Лишь гардероб нас отделял от стужи.
Я, оглушенный, был шарфом разбужен,
Когда неловко затянул петлю.

И мир телесней оказался вдруг.
Хоть меж локтей еще метались ноты,
Но время шло — и на устах заботы
Туманно таял сливочный их звук.

Окоченел асфальт, застыла даль...
Исчезла песнь — без имени вернее;
И тень ее со временем тускнеет...
Вернется, может, приподняв вуаль.

Каинит

Ах, чем я виноват, что Каином рожден,
Что не добром цвету, но злобный мрак лелею?
Вот-вот Потоп: им буду я сметен
И в памяти людской без голоса истлею!

Я гордый человек, я впереди планет!
Земля, мне покорись: я мощный господин!
Я первый среди первых, я гордый каинит!
Горжусь грехом, сам от него томим!..

Послушай-ка, святой! Добра немного дай!..
Ах, сушь и хлад! Испить хочу, согреться!
Ведь у тебя садам добра не виден край:
Тебе ж не жалко для моей темницы?..

Наш город мраморный до неба достает!
Сады в оковах бронз, фонтаны; храмов нет!..

Вот по просторной лестнице иду вперед
В прохладе сумрачной. Я бог себе и свет!

Тяжелый ливень по вратам гремит...
В небесный мой чертог вода стучится!..
Я сильный каинит!!! Я слабый каинит!..
Кто б мне помог? Ведь не себе ж молиться!..

Как свет дрожит у бронзовой лампы!..
Я завещаю вам, потомки торжества:
Хотя б в язычестве своем вы будьте рады
И в смертном теле не ищите божества!

Оливковая ветвь

Когда-то голубь жил. Он с веткою оливы
Летал над сеткой жизни мировой.
Синели небеса, земля была стыдлива,
И юный океан играл волной.

Когда-то голубь жил. И первозданным пухом
И первозданным бляньем пера
Теплела белизна и ласково, и сухо:
То свежестью воды, то искоркой костра.

Но знали все века небесной голубятни,
Что тетива стрелу пустила в круг.
Им сети кружево дрожанием невнятным
В узлах несло овечий свой испуг.

Соринка тетивы, что мелко так звенела!..
Пряма была змеистая стрела.
В шуршании тепла ранимо слишком тело:
Земля рубинов брызги приняла.

Кумач наполнил все в мгновенье вечной боли,
Порвалась нить в переплетенье дней.
С тех пор приказы звезд набухли скрипом соли;
А крыльев тень чем дальше, тем слабей.

И лишь оливы ветвь с тяжелыми плодами,
Вскормленными рубиновой водой,
Дрожит под зыбью звезд, над рыхлыми следами,
Клоня конец над черною стрелой.

Пока оборванная нить сетей не сшита,
Есть два ствола: олива и стрела.
У первой зелень есть и соль в плодах разлита,
Вторая же, как жизнь ее, гола.

Когда-то голубь жил... Но кто поверит слухам,
Что без твердыни той мир сиротлив?!
Хрупка до дрожи ветвь, припудренная пухом,
На ней Земля висит, как шар оливо.

Критская песня

Крылья гор взлетают на волю,
Обнимая собой небосклон,
А могучее море, лазурное море
Берегу шлет свой поклон.

Вечно юны, изящны оливы,
В них эолова арфа звенит.
Козьи тропки в горах вдаль уходят игриво
И стирают все тени обид.

Известняк — вечность Крита живая —
Древних лет пробуждает следы.
Лишь терновника сухость его закрывает
Властным знаком старинной беды.

Перья солнца так желты и жгучи
И сплетаются с пеньем цикад.
И прохлада живет за спиною могучих
И седеющих горных громад.

Вдоль дороги — таинственно-сладкий,
Райский бархат инжирного сна.

Жар цикадный уснет — в томный вечер украдкой
Флейт сверчковых втечет тишина.

И деревни под небом просторным,
И беседы критян вокруг столов.
И весь Крит — это мощь, бычий дух непокорный
И магический камень веков.

Крылья гор взлетают на волю,
Обнимая собой небосклон,
А могучее море, лазурное море
Берегу шлет свой поклон.